

Д. З. Мутагиров

К ВОПРОСУ О ЛЕГИТИМНОСТИ ДЕЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВ НА «ПРИЗНАННЫЕ» И «НЕПРИЗНАННЫЕ»

Очагами наибольшей напряженности в международных отношениях традиционно становятся ареалы проживания народов, которые решили воспользоваться своим правом на самоопределение и сформировать самостоятельные государства. Такое право закреплено в международном праве, но не все из существующих государств относятся к нему с должным пониманием. Многие из них, немедленно признавая законность одних новообразований, отказывают в этом другим, не менее легитимным. Автор статьи, размышляя о причинах подобного поведения участников международных политических процессов, находит их корни в противоречивости самих норм современного международного права и ставит под сомнение законность существующей практики считать признание другими государствами главным критерием легитимности новых национальных образований. Библиогр. 15 назв.

Ключевые слова: народ, международное право, право на самоопределение, государство, международное признание, законность.

D. Z. Mutagirov

RECOGNITION OF AS A FACTOR OF STATE LEGITIMACY AND STABILITY

Areas of residence of peoples who choose to exercise their right to self-determination and to form own States have become hotbeds of the greatest tension in international relations. This right is enshrined in international law, but not all of the existing States refer to it with due understanding. Many of them, immediately recognizing the legitimacy of one new political formation deny such right in others which are no less legitimate. The author of the article, reflecting on the causes of such behavior of the actors of international political processes, finds its roots primarily in the contradictions of contemporary international law and puts under question whether recognition of the new States by the existing states ought to be considered as the main criterion of their legitimacy. Refs 15.

Keywords: peoples, international law, the right to self-determination, the State, international recognition, legitimacy.

Статистические сборники ООН и доклады ее агентств о состоянии в разных сферах жизни современного мира содержат сведения о примерно 250 странах, государствах и самоуправляемых территориях. Членами ООН к моменту начала работы 72-й сессии ее Генеральной Ассамблеи (сентябрь 2017 г.) являются 193 государства. Каков статус остальных 50–60 де-факто субъектов мировой политики и международного права? Пока что они включаются в категории так называемых «частично признанных и непризнанных государств», хотя некоторые из них порою оказывают на мировую политику и международные отношения гораздо больше влияния, чем многие из «признанных» государств.

Чем обусловлен такой статус субъектов мировой политики и международного права и насколько он правомерен?

Мутагиров Джамал Зейнутдинович — доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; dezamy@mail.ru

Mutagirov Dzhamal Z. — Doctor of Philosophy, Professor, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; dezamy@mail.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2017

Планета Земля заселена множеством тысяч народов. Первичными социумами являются семья, род и народ со своими ареалами постоянного проживания, исторические, географические, климатические и иные условия которых формировали и соответствующие им системы институтов, в том числе и политических, призванных облегчить решение общих для всех их членов проблем жизни. По подсчетам некоторых исследователей, в древности таких социумов насчитывалось около 600 тысяч [1, p. 733].

В результате соперничества и войн между социумами на протяжении тысячелетий одни из них полностью исчезли, другие присоединились (добровольно или путем насилия) к более сильным, вследствие чего последние из моноэтнических превратились в полиэтнические общества и государства. Образовались империи и конфедерации, в составе которых оказались, часто против их воли, ранее самостоятельные народы с разными культурами, обычаями и традициями. По данным этнографов, в январе 2016 г. в мире существовали 9097 языков: на восьми из них говорили по ста и более миллионов человек, на 84 языках — от десяти до ста млн человек и на 306 языках — от одного до десяти млн человек [2].

Социально-политические процессы в мире всегда происходили и происходят крайне противоречиво, что обусловлено природой и стремлениями их участников. А ими являются как народы, гражданские общества и их социально-экономические институты, так и государства и институты политической власти. Государства — эти, повторяя образное сравнение английского философа политики XVII века Т. Гоббса, «гладиаторы с оружием в руках и взглядами, направленными друг на друга» [3, p. 115], всегда выступали и пока еще продолжают выступать в «позе войны» и действовать как соперники на международной арене. Некоторые из них, как правило, наиболее сильные в данное время, претендуют на роль повелителей мира, совершенно не считаются с общечеловеческими ценностями и отрицают какую бы то ни было мораль в отношениях с другими странами и народами. «Мораль как общий критерий для определения поведения государств и прежде всего в качестве критерия для измерения и сравнения поведения различных государств не действует, — считают защитники подобной политики. — Здесь позволено превалировать другим критериям — более грустным, более ограниченным и более практичным» [4, p. 49]. Некоторые из них даже обосновывают необходимость аморальности в отношениях с другими народами и государствами [5, p. 72–73]. По их мнению, «государства в условиях анархии не могут позволить себе быть моральными» [6, p. 9]. Утверждают также, что «поиск власти осуществляется не ради достижения моральных ценностей; напротив, моральные ценности используются для достижения власти» [7, p. 18].

Народы, гражданские общества и их социально-экономические и духовные институты, напротив, по своей природе ориентированы на отношения добрососедства, равноправия, взаимовыгодного сотрудничества и всеобщего блага. Благоразумная часть человечества всегда считала неравноправие и зависимость одних народов от других, соперничество и вражду между ними противоестественными явлениями и пропагандировала идеи самоопределения и независимости всех без исключения народов.

Следствием деятельности этих двух параллельно существовавших направлений в мировой политике стало то, что в современном международном праве одно-

временно существуют алогичные и взаимоисключающие друг друга нормы и принципы [8, с. 14–16]. Это *принципы территориальной целостности и неприкосновенности государственных границ*, с одной стороны, и *естественные права народов самим определять свою судьбу* — с другой. Общей основой прав народов, как это признано в общей для двух международных пактов о правах человека первой статье, является их право на самоопределение. «1. Все народы имеют право на самоопределение, — провозглашает она. — В силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус и свободно обеспечивают свое экономическое, социальное и культурное развитие.

2. Все народы для достижения своих целей могут свободно распоряжаться своими естественными богатствами и ресурсами без ущерба для каких-либо обязательств, вытекающих из международного экономического сотрудничества, основанного на принципе взаимной выгоды, и из международного права. Ни один народ ни в коем случае не может быть лишен принадлежащих ему средств существования» [9, статья 1].

Очевидно, что гарантированное сохранение и увековечение территориальной целостности и неприкосновенности государственных границ, сложившихся в имперские времена, исключает возможности реализации права насильственно включенных в состав этих империй народов на самоопределение и независимое от внешних для них социумов существование. А когда народы все-таки пытаются реализовать это свое природное право, то существующие многонациональные государства, считающие, что это может ослабить их влияние в мире, имеют «легальную» возможность, ссылаясь на принципы территориальной целостности и нерушимости государственных границ, объявлять стремящиеся к самостоятельности народы «сепаратистами и террористами», препятствовать им в реализации их воли и отказать в признании легитимности формируемых ими институтов. Так появляются категории «признанных», «частично признанных» и «непризнанных» государств.

Оптимальным вариантом исключения противоречий между принципами территориальной целостности и неприкосновенности границ государств, с одной стороны, и правом народов на самоопределение — с другой, может стать предоставление всем народам многонациональных обществ возможности реализации своих естественных прав в рамках данных обществ, трансформировав унитарные государства в демократические федерации с широкой автономией всех их субъектов. Это наилучший вариант при условии, если все этносы почувствуют себя в составе многонационального государства комфортно и сочтут достаточным такой статус. Но власти предрасположенные, традиционно рассматривая многонациональную страну и ее ресурсы как свою собственность, всячески стремятся не допустить ослабления их власти и пытаются свести права этнических меньшинств к возможному минимуму, прибегая даже к репрессиям. Достаточно вспомнить события, предшествовавшие движениям за самоопределение в Нагорном Карабахе, Абхазии, Приднестровье, Восточном Тиморе, Косове, Южном Судане (Дарфуре), Восточной Украине, Иракском Курдистане, Каталонии и в других частях мира. Нежелание властей государств считаться с законными стремлениями входящих в их состав этнических меньшинств жить автономно и притеснения вынуждают последних бороться уже за полную независимость от подобных властей и право взять свою судьбу в собственные руки.

Невозможно заставлять народы жить сколько-нибудь долгое время по чужим, порою и чуждым им законам. Только совпадение фундаментальных интересов всех субъектов многонациональных обществ и учет государственными институтами этих интересов способны сохранять их единство и целостность. Если этого нет, то осознающие свои права народы постараются самоопределяться вплоть до образования собственных государств. Закономерным следствием этого станет фрагментация многонациональных обществ на множество новых и самостоятельных образований, как это происходило в результате распада империй после Первой мировой войны, а также дезинтеграции союзов и федераций в 1980–1990-х годах. Такая же участь рано или поздно постигнет и нынешние многонациональные общества и государства, если они своевременно не подвергнутся трансформациям в сторону равноправия всех входящих в их состав народов.

Действительно недопустимо покушение на территориальную целостность и государственные границы любых обществ и государств извне путем агрессии и интервенций. Распад же обществ и государств, как и семей, происходит по причинам несовместимости правовых статусов, интересов и стремлений их субъектов и членов.

Ключом к верному пониманию сути проблемы является истина, состоящая в том, что общество как добровольное объединение людей для совместного решения задач, которые невозможно решать в одиночестве, формирует множество институтов специальной компетенции, лишь одним из которых является государство. Как было мудро замечено еще авторами Декларации о независимости США, то, что все люди созданы равными и наделены «определенными неотчуждаемыми правами, среди которых — право на жизнь, свободу и стремление к счастью; что для обеспечения этих прав люди создают правительства, справедливая власть которых основывается на согласии управляемых» [10, с. 34], является самоочевидными истинами.

Общество — это один из первых институтов человека и объективная реальность, существование которой разумные люди не могут отрицать. Объективными реальностями являются также его экономические, социальные и духовные учреждения, без которых люди не могут существовать. Государство учреждается обществом как его охранная служба, как институт защиты прав членов учредившего его социума и обеспечения их безопасности.

Истинными критериями легитимности демократического и правового государства является, таким образом, то, что оно *учреждено волей конституционно-го большинства членов социума*, представляющего собой определенный этнос или группу близких по системам национальных ценностей народов, имеющих свои ареалы исторического проживания, собственные системы национальных ценностей, а также свои традиционные институты.

Другими словами, государство — это институт защиты социума от внешних угроз, а также создания условий для его гармоничного развития путем формирования и постоянного совершенствования правового поля. Но важно помнить при этом также, что право нации — это узаконенная воля не ее первых лиц или узкой группы людей, что, к сожалению, имеет место во многих странах мира, а легитимно выраженная воля конституционного большинства членов социума, детерминированная естественными условиями среды его исторического проживания. Если

правительства забывают об этом, не выполняют своих обязательств перед обществом и поступают противоправно и своевольно, то, как справедливо говорилось в упоминавшейся выше Декларации о независимости США, «народ вправе изменить его и упразднить, и установить новый строй, основанный на таких принципах и организующий управление в таких формах, которые должны наилучшим образом обеспечить безопасность и благоденствие народа» [10, с. 34]. Насколько нам известно, никто, за исключением авторитарных правителей и их адептов, не ставит под сомнение разумность идей данной Декларации; она была и остается одной из первых и выдающихся хартий демократии, хотя потомки ее авторов сами уже не придерживаются всех ее идей.

Главное легитимное основание государственности состоит в том, что, еще раз отметим эту максиму, ее учредителем и единственным судьёй является сам народ. В современных условиях его воля определяется путем выборов и референдумов, которые проводятся, в целях исключения возможности фальсификаций и подлогов, под широким национальным и международным контролем. При этом они проводятся в том субъекте федерации или области проживания этносов, которые хотят реализовать свое право на самоопределение, а не во всем многонациональном государстве, как требуют центральные власти этих государств. Если государства образованы при строгом соблюдении этих условий, они становятся реальностями и де-факто, и де-юре, независимо от отношения к ним со стороны кого бы то ни было извне. Их стабильность также определяется прежде всего степенью единства членов самого этноса и его созидательной деятельности.

Следует быть реалистами и признать определенную непоследовательность даже некоторых сторонников признания права на самоопределение, наличия у них противоречащих друг другу подходов к исторической практике народов. Так, с готовностью признавая право на самоопределение за другими народами, прежде всего входящими в состав считающихся недружественными государств, они отрицают таковое за собственными народами, оставляя этот вопрос на усмотрение всего многонационального международного сообщества, где поборник права на самоопределение, как правило, оказывается в меньшинстве.

Речь идет о праве на самоопределение вплоть до образования собственных государств только самостоятельного этноса, из поколения в поколение проживающего на своей исторической родине и стремящегося к автономии. На диаспоры народов, исторические родины которых находятся за пределами страны их пребывания и проживания, право на самоопределение в таком широком масштабе не распространяется. Не могут считаться легитимными попытки различных оппозиционных и враждебных конституционным социально-политическим системам групп людей, бандформирований или случайных лиц объявлять «государствами» те или иные ареалы, временно оказавшиеся под их контролем. Таковыми являются так называемые 'Силенд', 'Амират Кавказа', 'Исламское государство' и десятки других имитаций государственности, вплоть до «королевства геев и лесбиянок» на коралловых островах Австралии. В начале XXI в. в мире насчитывалось несколько десятков таких эфемерных или виртуальных «государств». Это примерно то же самое, что и печально известная в некоторых странах практика, когда мафиозные группы объявляют те или иные районы населенных пунктов «сферами своего влияния» и собирают «дань» со всех лиц, ведущих здесь ту или иную предпринимательскую деятельность.

Согласно теории мировой политики и международного права, суверенное государство — это территориально определенное политическое общество, имеющее (1) постоянное население; (2) определенную территорию; (3) правительство; (4) обладающее способностью вступать в отношения с другими государствами [11, статья 1]; (5) признанное другими такими же существующими обществами как несущее главную ответственность за управление этой территорией и свободное от контроля со стороны любого иного политического или религиозного актора. Как нетрудно заметить, государству приписываются почти все атрибуты, свойственные национально-этническим общностям и их обществам, которые решают свои проблемы, учреждая бесконечное множество институтов (социальных, экономических, политических, культурных и т.д.), одним из которых, к тому же гораздо более позднего происхождения, является государство.

Признание — это формальный акт, так сказать, публичное выражение согласия «государств-ветеранов» признать новоиспеченное политическое образование членом состоящей из них международной системы.

Индивиды и их социумы, как и их социально-экономические и культурные институты, являются объективными реальностями, более или менее успешно функционирующими и без признания и поддержки их кем бы то ни было со стороны. А политические институты, формируемые этими социумами в качестве своих охранных служб, почему-то считаются «нуждающимися» в таком признании, ставящем новые образования в определенную зависимость от старых.

Формальные и субъективные акты «признания» или «непризнания» совершаются в зависимости от многих обстоятельств: от взаимоотношений между государствами-левиафанами, от того, позиции какой из соперничающих в мире групп государств новый член сообщества укрепит или ослабит, и т.д. Поэтому, с готовностью признавая новых потенциальных союзников в соперничестве на мировой арене, «государства-ветераны» могут отказать в этом государственным образованиям других народов, близких к их реальным или воображаемым соперникам. При этом может быть игнорирован даже факт отсутствия у «опекаемых» критериев, считающихся международным правом обязательными для государств. Так, государство Израиль было признано в 1948 г. без четко определенных границ и состава населения.

Принято считать, что население государства как политического института общества должно быть коренным и постоянным, однако размеры территории и численность населения, важные для самого государства, не являются детерминирующими. Отсюда — мини-государства, как Ватикан (или Святой престол) с территорией в 40 гектаров, на которой живут около 3 тыс. человек со всего света, что затрудняет определение этнического состава постоянного населения. Или островное государство Науру в Полинезии с территорией примерно 24 кв. км и с населением в 10 тыс. человек.

Объективно главными и легитимизирующими любое государство признаками являются: 1) формирование его самим обществом (коренным народом или сообществом народов) в качестве своего института защиты прав человека и обеспечения безопасности; 2) признание его конституционным большинством членов данного социума и 3) истинное служение этого института своему обществу с соблюдением общепринятых норм национального и международного права. Эти критерии

(с возможной конкретизацией и развитием) должны считаться и критериями международного права.

Признание не создает государства, так же, как и непризнание не делает реально функционирующее государство несуществующим и нелегитимным. Оно может говорить только о желательности и нежелательности возникновения новых политических образований для существующих государств. Нидерланды, провозгласившие свою независимость в 1581 г. и отстаивавшие ее в упорной и продолжительной борьбе с колонизаторами, получили признание со стороны их бывшей метрополии (Испании) только в 1648 г. (первый в истории случай официального признания). США были признаны Великобританией только семь лет спустя после принятия Декларации независимости. Многие не признавали КНР почти до 1970 г. Не считается признанным государством и Тайвань, хотя до признания КНР правительство этого острова представляло Китай в ООН и в ее Совете Безопасности в качестве постоянного члена с правом вето на волю всех остальных государств — членов всемирной организации. Тайвань как актор многоаспектных международных отношений оставался активно функционирующим субъектом международной политики и в последующие десятилетия. Хотя Российская Федерация не признает независимости Тайваня, она де-факто является достаточно успешным рынком для товаров, производимых на Тайване, особенно в области электроники. С этой реальностью считается и международное право. Так, статья 12 Устава Организации американских государств, объединяющей 35 стран Нового света, гласит, что «политическое существование государства не зависит от признания его другими государствами. Еще до признания государство имеет право защищать свою целостность и независимость» [12].

Таким образом, существующая норма международного права, согласно которой лишь признание воли народов большинством «государств-ветеранов» считается критерием легитимности новых образований, является произвольной и неправовой. Конечно, государства, как и индивиды, могут относиться друг к другу по-разному — уважительно, равнодушно, с недоверием, враждебно или просто не замечая друг друга, пытаться расколоть и ослабить одних и содействовать усилению других. Но от этого народы и их институты не перестают быть теми, кем они являются на деле. США не признавали Советскую Россию, а потом и СССР в течение пятнадцати лет, а Китайскую Народную Республику — почти тридцати лет. Да, это создает значительные трудности молодым образованиям в их прогрессе: они оказываются изолированными от значительной части внешнего мира, а соответственно — ограниченными в возможностях кооперации и сотрудничества, пользования передовыми достижениями других народов, установления взаимовыгодных торгово-экономических и иных связей с ними и т. д.

Некоторые люди склонны эмоционально осуждать практику санкций одних стран в отношении других. Думается, что здесь не все так просто. Международное право считает, и не без серьезных на то оснований, экономические, культурные, дипломатические и иные ограничения, а также ограничение степени участия государств-членов в правотворческой деятельности международных институтов более гуманными формами и способами воздействия на страны, грубо нарушающие нормы этого права, чем применение разрушительной военной силы. Они были предусмотрены в уставах Лиги Наций и ООН, всех континентальных и региональных институтов. Но и здесь есть над чем подумать международному сообществу.

Недостаточно продуманное применение этих ограничений часто превращается в деяние, направленное прежде всего против мирного населения подвергающихся санкциям стран. Правящие же круги, поведение которых оказалось причиной введения санкций, последствий их почти не чувствуют; они хорошо охраняемы, не голодают, не замерзают, не страдают от отсутствия лекарственных средств и т. д. Страдает, голодает и умирает от вполне излечимых болезней ни в чем не повинный народ, рядовые граждане. Истинно демократические государства не должны прибегать к таким антидемократическим мерам; санкции должны адресоваться конкретным виновникам нарушения норм международного права — первым лицам соответствующих государств и их адептам. Но этого государства и международные институты всячески избегают. Так, 11 сентября 2017 г. в СБ ООН обсуждался проект резолюции США, предусматривавшей полное и всестороннее ограничение экономических, торговых и иных отношений с КНДР за ее политику в области ракетно-ядерного оружия. Накануне КНДР провела успешное испытание термоядерного оружия мощностью в 20 раз больше, чем бомба, сброшенная США на Хиросиму 6 августа 1945 г. Половина членов Совета Безопасности уже давно имеют такое смертоносное оружие и, по существу, под лозунгом нераспространения ядерного оружия оберегают свою монополию на него. Представитель России заявил, что Россия голосует за резолюцию «из-за ядерных амбиций КНДР». Дескать, право на такие амбиции имеют только «великие и сильные мира сего». В проекте содержался пункт о наложении санкций и на руководство КНДР, но он по настоянию большинства «поборников равенства и справедливости» был исключен из документа.

Некорректно считать признание государства Организацией Объединенных Наций обязательным критерием его легитимности. ООН вообще не наделена правом признавать или не признавать государства. Согласно пункту 7 статьи 2 ее Устава, последний «ни в коей мере не дает Организации Объединенных Наций права на вмешательство в дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию любого государства, и не требует от Членов Организации Объединенных Наций представлять такие дела на разрешение в порядке настоящего Устава; однако этот принцип не затрагивает применения принудительных мер на основании Главы VII» к виновникам нарушений мира и актов агрессий [13, статья 2].

Любое государство может представлять в ООН свою страну в качестве ее полноправного члена, если оно того захочет, когда с ним установят дипломатические отношения большинство государств — членов ООН, в том числе и членов Совета Безопасности, которые при обсуждении вопроса о приеме в члены Организации на Генеральной Ассамблее ООН подтвердят свое желание видеть рядом с собой новых равноправных участников мировой политики и международного права. И при решении данного вопроса следует руководствоваться не симпатиями или антипатиями, а тем, обязуется ли кандидат в новые члены глобального института придерживаться в своей деятельности принципов демократии и международного права.

Пока же охотно признаются государствами и даже побуждаются к самостоятельности народы, входящие в состав недружественных многонациональных государств с целью ослабления влияния последних. И отказывают в этом народам с близкими к соперникам политическими и духовными ориентациями, именуя их сепаратистами и террористами, хотя процессы эти происходят примерно одинаково [14]. Так, в 1980–1990-х годах, в период распада социалистических федераций

и конфликтов между их бывшими субъектами, на их прежде прозрачных и бесконфликтных административных границах, вдруг превратившихся во внешние границы государств с пограничными и таможенными службами, формировались государства, образованные народами, которые не согласились с новыми порядками вещей, установленными против их воли. Это Нагорный Карабах с преимущественно армянским населением, входивший ранее в состав Азербайджанской ССР со статусом автономии и восставший против Баку после лишения его этой автономии; Абхазия, в свое время добровольно вошедшая в состав России и в целях облегчения административного управления включенная в состав Грузинской ССР; Приднестровская Молдавская Республика; Восточный Тимор (Тимор-Леште); Косово, примерно повторившее судьбу Нагорного Карабаха (прежняя автономия в составе Сербии, лишенная этого статуса в период обострения межнациональных отношений в стране); Донецкая и Луганская Народные Республики. Одни из них были немедленно признаны некоторыми «государствами-ветеранами», а другим те же государства в этом отказали, исходя из собственных симпатий и антипатий, а также определенных геополитических соображений.

Стремление к большей самостоятельности усиливается у народов почти всех многонациональных государств. Это происходит в провинции Канады Квебек с преимущественно франкоязычным населением, в Бельгии, Шотландии, в Каталонии и Стране Басков в Испании и т. д. Есть основания полагать, что рано или поздно к той или иной степени самостоятельности будут стремиться все народы ныне многонациональных государств, если они не преобразуются в истинно демократические федерации народов, в которых каждый из них будет чувствовать себя равноправным членом и жить комфортно, руководствуясь системами своих национальных ценностей.

История человечества подтверждает, что общественные процессы в мире происходят путем множества отрицаний отрицания. Сотни тысяч относительно самостоятельных субъектов этих процессов в начале истории постепенно объединились, добровольно или с применением силы, в несколько сотен, а затем и десятков государств. Образовались колониальные империи и «федерации» неравноправных субъектов, после распада которых возникли десятки новых политических образований, опыт которых, в случае его успеха, побудит к самостоятельности и все остальные народы мира, потомки которых со временем вновь будут формировать качественно новые союзы, федерации и конфедерации, но уже исключительно добровольно и на более демократической основе [15].

Литература

1. Carneiro R. A Theory of the Origin of the State // *Science*. 1970. N 169 (3947). P. 733–738.
2. Paul L. M., Simons G. F., Fennig Ch. D. (eds.). *Ethnologue: Languages of the World*, 19th ed. Dallas, Texas: SIL International, 2016. Online version. URL: <http://www.ethnologue.com> (дата обращения: 19.04.2017).
3. *Hobbes T. The English Works*. Vol. III: *Leviathan* [1651]. Indianapolis: Liberty Fund, 2011. 378 p.
4. *Kennan G. American Diplomacy*. New York: New American Library, 1952. 120 p.
5. *Schlesinger A. Jr. The Necessary Amorality of Foreign Affairs* // *Harper's Magazine*. August 1971. P. 72–73.
6. *Morgenthau H. J. Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace*. New York: Knopf, 1948. 688 p.
7. *Spykman N. America's Strategy in World Politics*. New York: Harcourt, 1942. 500 p.

8. Мутагиров Д. З. Правовые аспекты этнополитических кризисов // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 6: Политология. Международные отношения. 2015. № 1. С. 14–24.
9. Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 07.09.2017).
10. Джефферсон Т. Автобиография. Заметки о штате Виргиния. Ленинград: Наука, 1990. 316 с.
11. Конвенция о правах и обязанностях государств (г. Монтевидео, 26 декабря 1933 г.). URL: http://go.mail.ru/redirect?via_page=1&type=sr&redirect=eJzLKCKpsNLXly8v1ytJzCxPzEvJTy7NTc0rKdbLL0rXz83PK0kty0xJzTcw1MsoyWVgMDQ1NDAYnbCwMGdgOe3E3BffepOx2C8JE3H7XQAaPhnN (дата обращения: 08.09.2011).
12. Charter of the Organization of American States. URL: <http://www.oas.org/juridico/english/charter.html> (дата обращения: 11.09.2017).
13. Charter of the United Nations. 1945. URL: <http://www.un.org/ru/charter-united-nations/index.html> (дата обращения: 19.04.2017).
14. Мутагиров Д. З. Современный терроризм: природа, причины и условия искоренения // Polit-Book. 2016. № 1. С. 44–66.
15. Мутагиров Д. З. Демократия как универсальная ценность. М.: Логос, 2014. 560 с.

Для цитирования: Мутагиров Д. З. К вопросу о легитимности деления государств на «признанные» и «непризнанные» // Вестник СПбГУ. Политология. Международные отношения. 2017. Т. 10. Вып. 4. С. 310–319. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu06.2017.403>

References

1. Carneiro R. A Theory of the Origin of the State. *Science*, 1970, no. 169 (3947), pp. 733–738.
2. Paul L. M., Simons G. F., Fennig Ch. D. (eds.). *Ethnologue: Languages of the World*, 19th ed. Dallas, Texas, SIL International, 2016. Online version. Available at: <http://www.ethnologue.com> (accessed: 19.04.2017).
3. Hobbes T. *The English Works*. Vol. III, Leviathan [1651]. Indianapolis, Liberty Fund, 2011. 378 p.
4. Kennan G. *American Diplomacy*. New York, New American Library, 1952. 120 p.
5. Schlesinger A. Jr. The Necessary Amorality of Foreign Affairs. *Harper's Magazine*, August 1971, pp. 72–73.
6. Morgenthau H. J. *Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace*. New York, Knopf Publ., 1948. 688 p.
7. Spykman N. *America's Strategy in World Politics*. New York, Harcourt Publ., 1942. 500 p.
8. Mutagirov D. Z. Pravovye aspekty etnopoliticheskikh krizisov [Law's aspects of ethno-political crisis]. *Vestnik SPbGU. Ser. 6. Politology, International relations*, 2015, issue 1, pp. 14–24 (In Russian).
9. *International Covenant on Civil and Political Rights Adopted and opened for signature, ratification and accession by General Assembly resolution 2200A (XXI) of 16 December 1966, entry into force 23 March 1976, in accordance with Article 49*. Available at: <http://www.ohchr.org/EN/ProfessionalInterest/Pages/CCPR.aspx> (accessed: 07.09.2017).
10. Jefferson T. *Avtobiografiia. Zametki o shtate Virginiia [Autobiography. Notes on the State of Virginia]*. Leningrad, Nauka Publ., 1990. 316 p. (In Russian).
11. *The Convention on the rights and duties of States (city of Montevideo, December 26, 1933)*. Available at: <https://www.ilsa.org/jessup/jessup15/Montevideo%20Convention.pdf> (accessed: 08.09.2011).
12. *Charter of the Organization of American States*. Available at: <http://www.oas.org/juridico/english/charter.html> (accessed: 11.09.2017).
13. *Charter of the United Nations. 1945*. Available at: <http://www.un.org/ru/charter-united-nations/index.html> (accessed: 19.04.2017).
14. Mutagirov D. Z. Sovremennyy terrorizm: priroda, prichiny i usloviia iskoreneniia [Contemporary terrorism: Nature, causes and conditions for the eradication]. *PolitBook*, 2016, no. 1, pp. 44–66. (In Russian)
15. Mutagirov D. Z. *Demokratiia kak universal'naiia tsennost' [Democracy as a universal value]*. Moscow, Logos Publ., 2014. 560 p. (In Russian)

For citation: Mutagirov D. Z. Recognition of as a factor of the State legitimacy and stability. *Vestnik SPbSU. Political Science. International Relations*, 2017, vol. 10, issue 4, pp. 310–319. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu06.2017.403>

Статья поступила в редакцию 29 августа 2017 г.
Статья рекомендована в печать 20 сентября 2017 г.